

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Захаров

«Национальный лидер»
как СИМПТОМ

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zakharov_44.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике
и культуре»

«Национальный лидер» как симптом

Рассуждая о непоследовательности петровских реформ, Василий Ключевский замечает, что с модернизацией государственного аппарата великий царь не справился. Ибо в административной машине, которую он создал, *лица взяли верх над учреждениями*. В этом, по мысли историка, заключалась одна из напастей славного царствования — упущенный шанс, непростительное пренебрежение институциональным фундаментом общественной жизни, отозвавшееся потом многократно. Нам не было бы дела до той давней истории, если бы в России XXI века пагубное увлечение «лицами» в ущерб правилам, принципам и установлениям навсегда отошло в область предания. Но поскольку страна вновь переживает муки становления очередного «национального лидера», неплохо было бы понять, чего следует ожидать от такого приобретения.

«Национальные лидеры» не слишком ответственны

Выдающаяся особенность любого «лидера нации», «вождя», «руководителя страны, народа и партии» состоит в том, что он *принципиально не связан политическими ограничениями*. Ведь он — не какое-нибудь ведомство, опутанное регламентами и условиями, а личность, свободно намечающая и реализующая великие предназначения и планы. Этой человеческой своей ипостасью он, собственно, и привлекает массы. Невозможно представить себе отношения любви между учреждением (например, парламентом, пусть даже британским) и народом; но вот «национальный лидер» вполне может состоять с гражданами в самой душевной связи. О Конституционном суде не получится сложить песню, сколько ни старайся, но зато «лидер» в состоянии стимулировать самые искренние творческие порывы во всех без исключения науках, искусствах и ремеслах.

К сожалению, с безбрежной человечностью «национального лидера» связаны не только сильные, но и

слабые его стороны. Подобно всякому человеку, он может ошибаться. Более того, он допускает просчеты чаще любого коллегиального органа, так как физически не способен осваивать весь массив объективной информации, пользуясь лишь специальными выборками «фактов», которые готовятся для него уполномоченными на то лицами. В закрытой политической системе альтернативные данные просто не в состоянии достичь глаз и ушей верховного руководителя: оппозиции, имеющей реальную возможность прийти к власти, в стране нет, поэтому иными взглядами и прогнозами можно откровенно пренебрегать. А так как связь «лидера» с гражданами является *прямой*, то есть не предполагает посредников в лице учреждений, структур, институтов, поправить его в тяжкую минуту ошибки абсолютно некому. В особенности там, где граждане не привыкли и не приучены реагировать на душевные и материальные порывы начальства.

Между тем если принятие решений в личностно ориентированной политике есть вещь сугубо индивидуальная, то ответственность за промахи здесь, напротив, никогда не бывает только личной: расплачиваться, пусть даже с отсрочкой, приходится всему народу. «*Национальный лидер*» есть фигура *безответственная* в силу уже своего положения. Что самое печальное, такие «акторы» нередко склонны к авантюрам во внутренней и внешней политике — например, они любят повоевать, что в сочетании с безответственностью ведет порой к грустным итогам.

Появление «национального лидера» означает решительное упрощение политического ландшафта страны. Правила, по которым функционирует политическое сообщество, оказываются, во-первых, чрезвычайно простыми, а во-вторых, крайне текучими. В отличие от неуклюжего института или неповоротливого учреждения, «лидер» оперативно реагирует на меняющуюся ситуацию: это еще одна сильная его сторона. В эпоху глобализации с присущей ей компрессией времени и пространства такое умение может оказаться весьма полезным. Но оно дезавуируется отдельным «минусом» — великим соблазном *действовать, руководствуясь чистой целесообразностью*. Комфортно разместившись за оградой политической системы, первое лицо практически не получает импульсов извне; еще бы, кто, пребывая в трезвом уме, рискнет поучать самого «национального лидера»? С его утверждением на место классической расчлененности власти («сдержки и противовесы») или хотя бы вымученного изображения таковой приходит концентрированная монолитность: задача всех без исключения институтов сводится лишь к тому, чтобы поддерживать лидера в его *заведомо благих* начинаниях. Причем формальное положение великого человека в государственной машине — первая, вторая или третья роль — тут вообще не имеет значения. Аятолла Хомейни, как известно, вовсе не имел должности, что не помешало ему энергично прибрать к рукам весь Иран. А владелец Ливии вполне уверенно ощущает себя в звании полковника и уже много десятилетий нисколько не растет по службе, довольствуясь скромным титулом «лидера национальной революции».

«Национальные лидеры» не могут без национализма

Кстати, все вышеизложенное чревато еще одной неприятностью. Ведь подъем очередного «отца народа» в любой стране сопровождается оживлением идеологии, которую называют «органическим национализмом». Она исходит из мнимой целостности и надуманного единообразия политических устремлений общества («главное — во что бы то ни стало сохранить единство народа»), а также из наличия первозданного этнического ядра, на которое, собственно, и наращивается государство. «Национальный лидер» означает *неизменное засилье официального национализма и официальной религиозности*, с этим национализмом связанной. Отнюдь не случайно появление подобных персонажей сопровождало становление современных наций, будь то в Европе или в иных частях света.

К сожалению, вечно отстающая в своем политическом взрослении Россия «проспала» процесс формирования нации: многие специалисты не без оснований полагают, что русские, увлекшись имперским строительством, так и не стали нацией в полном смысле слова — им было некогда заняться собой, поскольку они вечно «поднимали» национальные окраины. «Строительство государства в России мешало строительству нации», — утверждает британский историк Джеффри Хоскинг*. Сейчас, казалось бы, когда приходится наверстывать упущенное, национальный лидер более чем уместен, ибо он помогает консолидировать страну, а заодно и «нацию». Не ясно, правда, какую именно. Подвох здесь в том, что Россия многонациональное государство. А это значит, что многих ее граждан не могут не смущать как беспрестанные разговоры о безмерном величии «русского национального гения», который всегда и всех побеждал, так и разбухающая на глазах общественная роль православной церкви.

В принципе *для полиэтничных обществ модель «национального лидерства» можно считать противопоказанной*. Ведь, вместо того чтобы практиковать сложность и многообразие социальной жизни, она исходит из ее простоты и примитивности. В итоге для решения весьма запутанных проблем предлагаются *простые* рецепты, которые, как правило, заимствуются из вчерашнего или позавчерашнего дня и щедро приправляются демагогией. Поскольку «вождь», как я уже говорил, не связан конвенциями и правилами, никем не контролируется, а действовать предпочитает «целесообразно», именно к таким решениям он и тяготеет. Их негативный эффект может проявляться далеко не сразу, что порой вводит в заблуждение тех, кто очарован динамизмом и деловитостью энергичного «первого лица». Лидеры, однако, со временем занимают свои места в мавзолеях и летописях, но зато неприятности, на которые они предпочитали закрывать глаза, остаются. Примеров опять-таки великое множество.

* Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

Марк ди Сувэро. Ангел штормов. 1973

«Национальные лидеры» не в ладах с миром

Еще одной особенностью «национальных лидеров» всегда было то, что они, а вместе с ними и целые страны, вечно ощущали себя во враждебном окружении. Мышление в алгоритме «враги убили Кирова» отнюдь не прихоть, но жизненная необходимость — это наиболее эффективный способ пресекать все разговоры о последствиях дурной политики, провалившихся проектах, бесчисленных и никак не убывающих несуразностях жизни. В силу априорной неразумности «народа» полагаться на него нельзя, и поэтому руководителю нации приходится самому выбирать, с кем страна должна или, напротив, не должна дружить. Векторы при этом вырисовываются самые неожиданные и труднообъяснимые — в конце концов, это ведь дело вкуса. Далее, вождь всегда стоит за «сильное» государство, причем под «силой» понимаются не накормленные старики или обогретые беспризорники, но исключительно способность к продвижению «национальных интересов» в любом уголке планеты. Например, готовность послать свои эскадры во все океаны разом. Вопрос «зачем» тут более чем неприличен: враг, что совершенно очевидно, не дремлет, а на границе тучи ходят хмуро — разве этого не достаточно? В голове «национального лидера» идет нескончаемая война, ведь даже самая последняя мелочь может скрывать

в себе разящее жало враждебных внешних сил. Разумеется, общественная дискуссия на данную тему вождями не приветствуется — в «дилетантских разговорах» нет необходимости.

Политическим идеалом «национального лидера» может быть только империя, пусть даже очень скромная. Именно в эту матрицу наиболее органично вписывается пирамидально-любовная связь вождя с подданными. Но империя должна расширяться, таков закон ее жизни. Но если она не может расти физически, необходима хотя бы виртуальная экспансия. Именно поэтому «национальные лидеры» так любят самолеты, фрегаты, танки. Когда забираешься в подводную лодку, невольно возникает ощущение могущества, и не важно, что твой военный бюджет составляет лишь пару-тройку процентов от бюджета твоего главного «недоброжелателя». Все «национальные лидеры» заботились о своих военных расходах, особенно если у них вдруг появлялись лишние деньги. Поскольку они обычно проводят «активную» внешнюю политику, вся эта военная мощь, бывает, когда-то и где-то применяется — время от времени вожди воюют друг с другом. Впрочем, будем считать, что кальки Сомали и Эфиопии или Колумбии и Эквадора к России по умолчанию неприменимы.

Итог неокончательный, но неутешительный

Что же мы имеем в итоге? Восход «национального лидера» всегда связан с некоторыми неудобствами для страны и ее граждан. Во-первых, находясь за рамками политической системы, такой персонаж склонен к нарушению устоявшихся норм и правил, а также к прочей безответственности. Во-вторых, его появление влечет за собой всплеск национализма, ибо какой же «национальный лидер» без «нации», им любимой и его любящей? Наконец, в-третьих, «национальный лидер» лелеет оборонное мышление; его не оставляет ощущение, что кругом враги, ему хочется замкнуться от мира, постоянно вмешивающегося в его «внутренние дела», и дружить только с такими же, как он сам, «национальными лидерами». Кроме того, от обороны до наступления рукой подать. Разумеется, предлагаемый здесь портрет основывается на обобщении повадок, присущих «национальным лидерам» других стран, как прошлым, так и настоящим. Нельзя исключать, что российский вариант этой политической конструкции будет совсем другим. Последнее утверждение, впрочем, скорее из разряда желаемого, нежели действительного. А закончить эти краткие заметки мне хочется ссылкой на писателя, который родился в маленькой стране, изрядно натерпевшейся от «национальных лидеров». По словам гватемальца Переса де Антона Франсиско, «у человеческого стада есть обыкновение брести вслед за своими лидерами до обрыва, чтобы дружно броситься в воду. Человечество предается этой забаве с пугающим постоянством, рискуя уничтожить себя собственными руками»*. Россия, безусловно, не Гватемала. Но что-то беспокоящее русское ухо в этой фразе все-таки есть.

* *Цит. по: Варгас Льоса М. Тетради дона Ригоберто: Роман. М.: Иностранка, 2008. С. 226–227.*